

ПАМЯТЬ

В 10 лет трагически — на всю жизнь — пострадало его зрение. В 20 — ему отказали в высшем образовании. Но, вопреки всему, он стал художником, гордостью отечественной культуры, русского театра...

Трудные вершины Юрия НАЗАРОВА

30 сентября 2011 года Юрию Назарову исполнилось 75 лет.

А в 2013-м Юрий Николаевич вновь талантливо одарил Камчатку: почти одновременно вышли из печати книга воспоминаний «Исповедь художника» и альбом «Юрий Назаров. Театрально-декорационное искусство, живопись, графика».

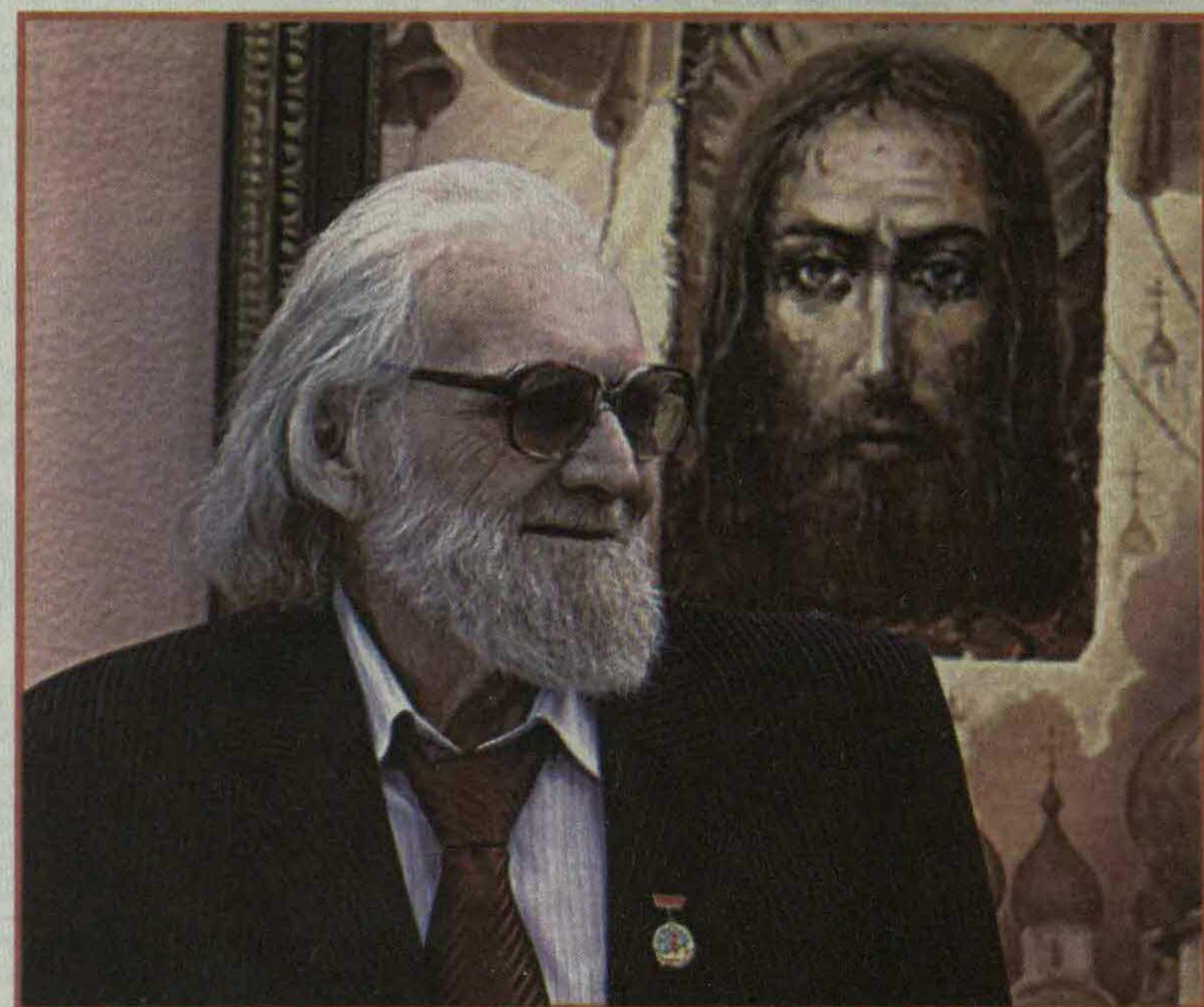
Вы видели, как возникают горы?

Вздрагивает земля. Словно что-то вскипает в ее тайных глубинах. Сквозь предрассветный туман едва угадывается мощное движение, идущее ввысь. Растут серые тени, заполняют пространство. И вот уже первые лучи золотистого солнца высвечивают острые вершины, пронзившие небо... Так в Камчатском театре (давно, в 1976 году) начинался спектакль «Материнское поле» по повести Чингиза Айтматова. Еще никто не появился на сцене. Не прозвучало ни единого слова. Но зрительный зал, потрясенный величием ожившей картины, вставал и бурно аплодировал автору — главному художнику театра Юрию Назарову...

Он появился на Камчатке в 1967 году, успев за прожитые три десятка лет многое вкусить и, главное, утвердиться в своем призвании... Никто до сих пор не дал ответ: как появляется талант? Многое непостижимо и в судьбе Назарова. Родился в 1936 году. Рос в семье знатного машиниста, которому доверялось водить поезд с такими крупными фигурами эпохи, как Калинин, Каганович, Ворошилов. Мама (дочь атамана казачьего войска) растила пятерых детей, что в военные и последующие годы было делом весьма нелегким. Никто в семье не имел касательства к искусству. Да и старый казахский городок Казалинск, расположенный в устье великой Сырдарьи и возникший, как поговаривали, по предписанию самой Екатерины, был примечателен разве тем, что старый Арал, уходя в пески, «позабыл» захватить с собой корабли. Так и остались они рядом с жилищем людей, испеченные солнцем, отполированные босыми ногами местных ребятишек. (Какая декорация к спектаклю! Но о театрах здесь, среди белой бесконечной пустыни, мало кто слышал.)

Война полыхала где-то очень далеко от азиатских границ. Но в каждой семье сумела оставить свой горестный след. Не обошла она и Юркино детство. Не выжил старший брат Боря. Да и сам Юрий (пацан смывливый, инициативный) попал в беду, желая «мстить фашистам». Он «изобрел» загадочную смесь, при помощи которой — конечно, в грезах — летели под откосы вражьи поезда. Эксперимент неуклонно мстителю закончился печально: нежданный взрыв лишил его правого глаза... Я познакомился с художником Юрием Назаровым более 40 лет назад. И лишь недавно раз узнал, какой удар настал на него в ребяческие годы. Ничто — ни творчество, ни поведение в быту — не намекало на проблему, с которой жил, работал этот человек. Он бегал по лесам, как самый зоркий охотник. Он побеждал глубины сцены, прекрасно чувствуя пространство, прихоть света, рельеф и сочетание красок. Он рисовал, черпая силы у окружающего мира.

Тогда, подростком, он много тренировался. Стрелял из лука. Бросал шары: добился уровня

жонглера. Осилит бильярд... Художественную одаренность школьника учителя заметили в его тетрадках по чистописанию. Каллиграфия настолько восхищала, что Юрины странички стали выставляться напоказ. Конечно, в редколлегии ввели... Многие годы Назаров полагал, что именно там, в школе, он начал рисовать. Но как-то (Юрий уже являлся художником театра) крестная, с которой встретился в 1957 году, положила на стол милые детские рисунки: «Смотри: это ты, сынок, рисовал. В 3 года! Я сберегла...».

В 1954-м семья переехала в Сызрань, на Волгу. Там Юра окончил десятилетку, а чуть раньше (с отличием) — школу-студию изобразительного искусства. Некоторое время он брал уроки у замечательного мастера — профессора живописи, ваяния и зодчества Бориса Аргунова. Художник был принужден безвыездно жить в Самарской области, испытывал нужду, одиночество. А потому, радуясь встречам с заботливым и одаренным учеником, он не ограничивался задачами уроков, а очень много и назидательно рассказывал — об искусстве, о великих русских мастерах слова, живописи, театра, с которыми когда-то общался (ему довелось учиться даже с Маяковским!). Юра убористым почерком (две строки вмещал в одной клетке) записывал в толстую тетрадь все беседы. Со временем вышел необыкновенный по объему и информации учебник, с которым молодой художник долго не расставался.

С этой тетрадкой и десятком своих лучших живописных работ Назаров отправился в Ленинград, мечтая поступить в «Мухинку» (так упрощенно называли Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. Веры Мухомовой). Парню было 20 лет. Вера в собственные силы, фантазии, будоражившие одаренную душу, сулили сияющие дали. Увы, не все так просто. Один раз сдал экзамены, год спустя — еще раз. Но, несмотря на отменные оценки, зачислен не был... Ему пытались разъяснить причину: мол, излишек талантов, принять всех невозможно. Покорно выслушал Назаров несправедливый приговор. Не очень уверовал в объяснения (конечно, зрение все-

Юрий НАЗАРОВ. Эскиз декораций к спектаклю по повести «Материнское поле» Чингиза АЙТМАТОВА

му причиной!). Но и сдаваться не помышлял.

А дома, наконец, судьба подкинула Назарову подарок: театр в Сызрани искал художника-исполнителя. Увидев крохотное объявление, Юрий бросился в театр... То было время, когда в провинции осело немало столичных мастеров. Война давно прошла. Но далеко не все хотели возвращаться... Театр, где стал работать Юрий, не был исключением. Около десятка актеров из Москвы и Ленинграда блистали на сцене. Дух истинного творчества царил на репетициях, в гримерных. Именно там Назаров, кажется, впервые проникся пониманием того, что лишь содружество людей неравнодушных, двужильных и, главное, умеющих понять друг друга, способно сделать чудо — волнующий, незабываемый спектакль.

Он не засиживался в стороне, не мог быть просто созерцателем. Он изучил все механизмы сцены. Познал секреты декораторов, гримеров, костюмеров. Любил подсказывать к режиссеру, вникая в мелочи, детали репетиций. Прислушивался к музыке: как сочетается она с движением света, игрой актеров, развитием сюжета. И, несомненно, был первейшим по-

Камчатский художник, заслуженный работник культуры Российской Федерации Юрий НАЗАРОВ ушел из жизни совсем недавно — 25 мая 2014 года. Перед смертью он успел выпустить в издательстве «Новая книга» свои воспоминания. Но знаем мы о нем, конечно, далеко не все. Очерк Валерия КРАВЧЕНКО — дань памяти Юрию НАЗАРОВУ, театрального художника России, мастера с большой буквы.

мощником художников, которые трудились в театре... Инициативу, личные идеи, работоспособность и пылкость Юры стали замечать: сначала предложили юноше возглавить работу декоративного цеха, чуть позже доверили самостоятельно оформить новую премьеру...

Дела семейные перенесли в 1959 году Назарова поближе к Казахстану, в г. Орск. Спектаклем «Барабанщица» по пьесе А. Салынского молодой художник заявил о себе довольно звучно. У Юрия мгновенно «появилось»

народный артист РСФСР, сыгравший (по велению Москвы) роль Ленина. Взбиралась по ступенькам славы Светлана Семенова, к которой пробивались зрители — заполучить автограф. Ее супруг, актер Владимир Космачевский, готовился примерить на себя роль драматурга. А Наум Эренбург, уже поставивший здесь собственную пьесу («Здесь начинается Россия» — в честь 225-летия Петропавловска), увлекся сочинением стихов и песен. Жили сценой Лидия Васютина, Галина Астраханкина, Майя Соловьева,

отчество. Возникли предложения из разных мест... Мне трудно объяснить дальнейшую непоседливость художника: за 8 лет Назаров сменил несколько театров. Работал в Стерлитамаке и Майкопе, Караганде, Алма-Ате. Везде ему сопутствовал успех. Вручались звания, дипломы. Он стал лауреатом республиканского смотра театров Казахстана. За спектакль «Амангельды» (по пьесе Г. Мусрепова) художника представили к государственной премии. Но даже этой почетнейшей награды не стал он дожидаться: ткнул пальцем в карту — оказался на Камчатке (в 1967 году)...

Что он искал? Достоинейших партнеров? Пронизывающих впечатлений? Невиданных красот земли?.. Пожалуй, все. Масштаб мышления Назарова, растущий опыт, желание рискнуть, но одержать победу не оставляли выбора. Он становился мастером...

Камчатский театр во второй половине 1960-х жил на подъеме. Островский, Горький, Грибоедов, Лопе де Вега и Шекспир, Арбузов, Маяковский и Фадеев — театр избегал случайных пьес, читил классику и современников, проверенных на разных сценах... Царил на сцене Владимир Андрианов, единственный в ту пору

Василий Абакумов, Майя Банчук, Тамара Смирнова, Василий Красногор — актеры разных темпераментов, стремлений, взглядов... Юрия Назарова, бросившего — ради Камчатки — роскошную квартиру в столице Казахстана, поселили в театре, в низкой комнатенке (за стенкой — сцена). Но он не обращал внимания на свое неприглядное пристанище: красавица-Камчатка кружила голову, лишь только выходил во двор. Вулканы, облака, гладь бухты, свежий ветер — все восхищало, радовало душу. Он сразу — с Космачевским — отправился рыбачить. Он лихо заполнял этюдник чарующими видами природы. И с этим чувством бесконечного восторга мгновенно принял театральный коллектив, с которым предстояло многое понять, проверить, пережить.

Потом, немало лет спустя, он будет уезжать с Камчатки (и — возвращаться!). «Как может человек, обласканный Камчаткой, собрать вдруг вещи, бросить театр?» — допытывался я не так давно у художника. Назаров как отрезал: «Я никогда не покидал Камчатку! Я уезжал на время. И я работал только там, где было интересно».

(Окончание на 28-й стр.)

ПАМЯТЬ

(Окончание.
Начало на 8-й стр.)

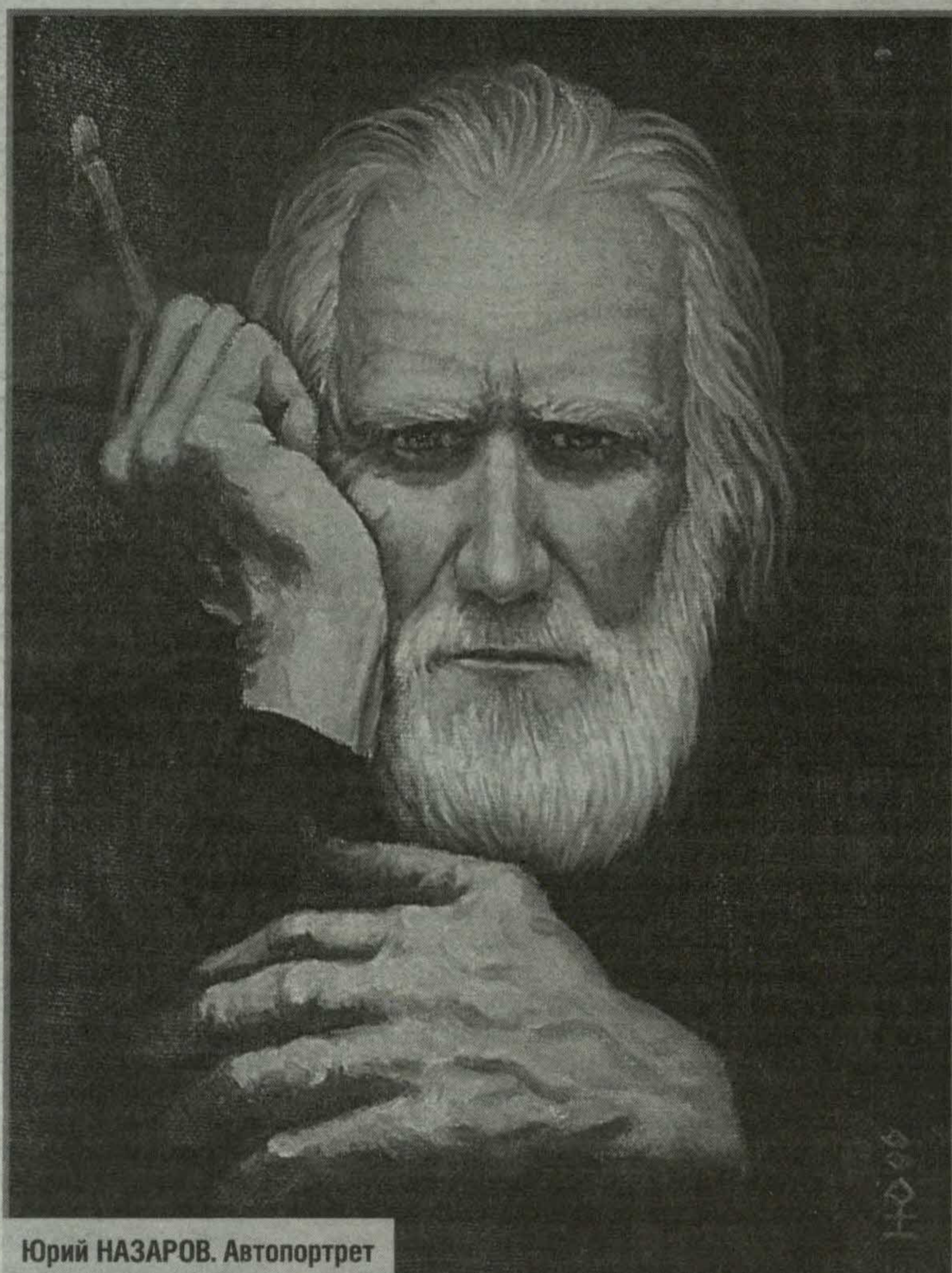
Тут мастер сцены прав. Когда в 1968 году талантливый кудесник сцены Владимир Панов задумал ставить фантастику Беляева, Назаров ликовал. Увидев премьеру спектакля «Судьба профессора Доуэля», в Петропавловске все первым делом заговорили о художнике. «Оформление сцены поражаало, — вспоминал журналист Олег Дзюба. — Декорации были усыяны черными расплывчатыми фигурами, похожими на тени. Они и были тенями, подобными той, что осталась на хиросимской стене после атомного взрыва. В черный полупрозрачный халат облачен доктор-изувер Кемп. Полы халата будто разбрасывали на ходу клочья мрака, как напоминание о том, что происходит, когда самая гуманная профессия становится преступной». Журнал «Театр» утверждал: «В спектаклях Назарова всегда тщательно продумана композиция, в них — немногословность, четкое распределение предметов. В таком пространстве легко двигаться актеру, а режиссеру обеспечивают большие возможности для построения мизансцен... Созданное им художественное оформление всегда ясно, даже если оно сложно. Это чрезвычайно ценное качество — правда без позы...».

Да, правду он любил. Назаров облачал в роскошные (правдивые!) одежды отживших королей. Перемещал в пространстве горы. Он путешествовал во времени и помещал людей в невероятный мир фантазий, преследуя одну лишь цель: быть убедительным, правдивым и — непохожим на других. Он все хотел учесть — задачу драматурга, идеи режиссера, индивидуальные черты артистов, музыку и свет. И чем подробнее, глубже проникал в проблемы, тем все трудней давались нужные решения... Со временем Назаров научился не спешить. Все взвешивал реально. И если уж пришла идея, то бился до конца. Не соглашался, редко уступал.

Возможно, в этом он был труден. Но поражаал и результат...

В 1970 году пост главного режиссера Камчатского театра занял Григорий Жезмер, известный Назарову еще по Средней Азии. Яркий, неординарный человек, он слыл диктатором. Дискуссии и споры, демонстрации характеров и настроений — все было не для него. Как скульптор, он лепил каждую новую работу, не считаясь ни с кем. «Да как ты можешь с ним работать?» — дивились старые друзья, встречаясь на гастролях, в министерстве. «А я могу», — смеялся Юрий, умалчивая о деталях. Да, на прогонах, репетициях летели искры. Но, как поведал классик, только «из искры возгорится пламя»... Вспоминают, что при работе над «Материнским полем» Жезмер никак не мог принять концепцию Назарова. Режиссер ушел с генеральной репетиции мрачнее тучи. Не спал всю ночь и Юрий: осмысливал, ревизовал свои идеи. Когда же следующим вечером, на сцене, внезапно дрогнула земля и шевельнулись горы... Не буду повторяться...

Правление Григория Жезмера осталось в памяти театра как неделимая и яркая эпоха. «Мария Стюарт» Шиллера, «Венецианские близнецы» Гольдони, «Василиса Мелентьева» Островского, «Прежде чем пропоет петух» Буковчана, «Иркутская история» Арбузова, «Валентин и Валентина» Рощина, «Молодая гвардия» Фадеева, «Проснись и пой» Дьярфаша — не все из перечисленного ставил именно Жезмер. Но репертуарная афиша, формируемая главным режиссером, свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне театра той поры, профессиональном взлете его творческих возможностей... В содружестве с Юрием Назаровым хотели работать все режиссеры, которые

Юрий НАЗАРОВ. Автопортрет

возникли на Камчатке (Александр Иноземцев, Тамара Сапего, Виктор Антонов, Наум Эренбург, Андрей Лапиков, Валентина Беатова, Валентин Зверовщиков). Не с каждым он хотел... Дружба с актерами, которые казались близкими, осталась в памяти художника на всю жизнь. Елена Улыбина, Владимир Космачевский, Светлана Семенова, Владислав Болеславский, Анна Савельева, Олег Баглюков, супруги Спасские, конечно, Андрианов — отбор в его душе всегда был жестким, не поддающимся на веяния сверху. Но потому и основателем.

Прекрасно ладил главный художник театра с теми, от кого зависела «материализация» его идей. Декораторы, бутафоры, столяры, костюмеры, гримеры, монтировщики, электрики — без их старания, самоотдачи, художественного вкуса не состоялся бы театр. Назаров до сих пор с особой нежностью перечисляет имена: «Володя Федоренко, Костя Чудинов, Боря Волков, Светлана Чумак, Ваня Демин, Семен Бережнюк, Володя Кузнецов, Сергей Светличный — список людей, которым я признателен, огромен...». Но художник не просто передавал эскизы, чертежи декораций в руки мастеров. Он сам овладел их профессиями. Живописал задники, работал с деревом, металлом, тканью. Он даже (по рисункам из книги Крашенинникова!) раскроил и шил костюмы для знаменитого спектакля Георгия Поротова «Потерянный праздник» (1980 год), показанного затем на сцене Малого театра (там, к слову, москвичи, сраженные уникальностью работ Назарова, рискнули на неслыханную дерзость: упростили подарить им декорации, костюмы из этой, поротовской постановки)...

Увы, высокие достижения не защищают от обид. И путь лю-

бого мастера не сплошь усыпан розами. Любовь и ненависть, интриги, зависть, лесть — не избежать всех этих «яств», коль водится в душе талант. Тут важно не сломиться. Не захворать влечением к наградам (кратчайший путь к утрате личности). И верить в собственные силы... Художника Назарова боготворили. И тут же ставили подножку: не принимали в творческий Союз коллег (мол, нет достойного диплома), «дробили» звание заслуженного деятеля искусств по той причине, что он (какое горе!) — «не член Союза». Отдельные «светила» с разумным видом утверждали, что в театре, мол, не может быть художника. Так, бутафор. Не больше... Такая кутерьма была досадна и смешна. Десятки театров мечтали заполучить к себе Назарова-художника. Но он не отбивал. Держался за Камчатку. Любил ее...

Как водится, провинциальный театр — большой трудяга. Ему почаще, чем в столицах, приходится менять репертуар. А значит, совершать работу, мобилизующую силы коллектива. Но быстрота и интенсивность не вправе отражаться на качестве премьер. И хоть всегда, везде присутствует суровый термин «план», он не спасает от авралов, суевы, утраты нервов... Назаров знал, когда работает, думается лучше — по ночам. Он уходил из театра в 5 утра, а возвращался в 10. В его каморке, где первоначально жил, допоздна засиживался режиссер Панов. Потом — в любое ненастье (дождь, ветер, снег) — они... кидались в бухту, как натуральные моржи. Чуть позже — в час-два ночи — к ним заявлялись гости: великий фольклорист Георгий Поротов, писатель Роман Райгородский, поэт Эмиль Куни. В притихшем темном театре велась

полемика — о судьбах мира, будущем Камчатки, ее культуре.

Да, 40 лет назад такие разговоры велись всерьез. Жил в людях дух горячих перемен, энтузиазма, веры. Писатели, поэты, художники и музыканты (и коллективы: ансамбль «Мэнго», симфонический оркестр, капелла) стремились к истинным высотам и — приближались к ним. Камчатская культура возрождалась, приобретала новый лик, а театр, как старший брат, показывал достойнейший пример. Специалисты ликовали: «Режиссер, художник, актеры созвучны и едины в достижении творческой цели!». Нешуточное приглашение в столицу, на сцену Малого театра (1981 год) — и успех! Какие доказательства нужны?!

Но неустойчив мир, непостоянны и не вечны люди... Как только коллектив бросала личность, устои разрушались, слабели силы. Потерю лидера (отъезд Жезмера, например) знал Камчатский театр. Случайные пришельцы, мелькавшие на сцене, чтобы поставить разовый спектакль, не приносили славы и уж, конечно, были неспособны разумно, вдумчиво влиять на театр, поддерживать его развитие и перспективу... Назаров, как барометр, предвидел близость неудач (ему, художнику, вдруг становилось скучно) и — уезжал.

Но помните: «Я никогда не покидал Камчатку!». Он ставит в Горьковском театре драмы 11 спектаклей (за 3 года). Проводит выставку в честь своего 50-летия. И — вновь бредет по краю синеглазой бухты, поглядывая с грустью на Камчатский театр... Туда он не вернулся. Работал в фонде местного отделения художников. Писал картины. Он только раз (в 1993 году), любя оркестр Георгия Авакумова, отозвался на просьбу актера, режиссера Олега Баглюкова, и появился в театре, чтобы украсить юбилейный вечер музыкантов.

Назаров вновь содеял чудо. Он подарил огромной сцене, с которой жил 16 лет, 100 огненных больших свечей. Он разместил их в разных уровнях пространства, зажег, как звезды. Живая музыка оркестра звучала в тепле живых огней...

Но как художник нынче — вдали от театра, шума, света, привычных почестей, интриг, торжеств?

Его спасает живопись. И тот очаг, который создан нежными руками жены Наташи и сына Ильи... На сценах театров — смог Назаров посчитать — поставлено свыше 200 спектаклей. Число этюдов, малых и больших полотен, портретов близких и родных людей не угадать: их тысячи. Рисует и сегодня напряженно. Готовит выставку. Знает, как ее назвать: «Театр живописи Назарова». В нее войдут и старые, и новые работы (возможен триптих, посвященный Александру Гилу, портреты дочери и внуки, людей, которых почитал, разнообразные пейзажи, любимые цветы с названием «Лотос»).... Еще в 9-м классе он — на равных — участвовал в выставке картин профессионалов. С тех пор Уфа и Сызрань, Хабаровск, Горький и Чита, Владивосток, Казань, Москва (конечно, Петропавловск) не раз вручали живописцу дипломы, грамоты, лауреатские награды. Имеются медаль «За доблестный труд в

ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (1980 год) и звание заслуженного работника культуры (1983 год). Но есть почетный знак, которым Юрий Николаевич особенно гордится: «За отличную работу» Министерства культуры СССР. «Еще тогда (четыре десятка лет назад) мне говорили, что он обеспечит персональную пенсию», — напоминает нынче награжденный.

Не выполняет государство обещаний. Великая держава благодарит своих почтенных граждан пожизненным пособием, каким владеет нерадивый дворник. Досадно! Но Юрий Николаевич почти не предается грусти. На небольшой поляне, приобретенной десяток лет назад (в окрестностях Центральных Коряк), он вновь... стремится к небу. Назаров завершает новый свой проект: постройку домика, который новичку узнать не сложно. Он, домик, не велик размером. Конечно, не богат. Но высота! Пять уровней (как будто — этажей). Вверху, на воздухе — площадка для обзора. Пускай побаливают ноги и множатся диоптрии в очках. Поднимется тихонечко наверх, а там округ — Камчатка-сцена! Диковинные дали. Осенние хребты. Распадки, скрытые туманом. Неповторимый, вечный свет закатов...

Оставим живописца на вершине. Вернемся к прозе.

Камчатский театр, который в 2013 году отметил свое 80-летие, знает немало ярких имен — актеров, режиссеров, запавших в память, оставивших прекрасный след в культуре полуострова. О них мы можем спорить, рассуждать. Их можно даже выстроить в цепочку — по степени таланта, свершениям на сцене, по творческому стажу, наконец. Но есть единственное имя, стоящее чуть в стороне и непременно — на центральном месте: Юрий Назаров! Художнику нет конкурентов в нашем театре. Ни в отдаленном прошлом, ни сейчас. Наполнены теплом, магическим волнением его полотна, написанные маслом. Их много дома, в мастерской, на даче. Не меньше их — в коллекциях музеев разных городов и стран, в домах друзей, далеких, близких.

Но — забывают мастеров. Рублем обрублены контакты. Дочь с внучкой осели на другом конце земли — в Германии. Одна сестра — «за рубежом»: на Украине. Другие две сестры живут в морозном Оренбурге. Но как туда добираться, увидеть родные лица?.. Последний год, что Юрий Николаевич живет безвылазно в избушке близ Корья, не очень часто раздаются в двери стук и возникают гости. Его любимые Илья, Наталья, Анастасия зимой загружены работой и могут вырваться из «Питера» по выходным... Лишь мудрый кот Маркиз да краски неизменно рядом...

Я шел к автомобильной трассе. И оглянулся.

На фоне вулканических вершин прощальным солнцем золотилась башня. Высокая фигура живописца виднелась наверху, на смотровой площадке. Внизу шумели травы, словно волны. Бежали в неизвестность облака... Назаров не спешил в тепло. Он упивался ветром... Как тот корабль (в песчаном городе из детства), почти забытый морем...

Валерий КРАВЧЕНКО